

Архитектура и градостроительство

И. И. Лагунин

Столичный город Псков Подготовительный этап

II пол. XIII – I пол. XIV вв.

Историко-градостроительный очерк

Структурные особенности и перемены

Прежде чем перейти к характеристике «Столичного¹ градостроительного периода» в истории Пскова, попробуем обобщить основные структурные изменения, которые подготовили город к новой роли. Обозначим те особенности и элементы, которые стали основой, фундаментом для его развития, либо ушли в прошлое, оставив следы и воспоминания, но сыгравшие свою роль в истории города. Еще раз вернемся к последнему этапу Новгородского градостроительного периода, который, по нашему мнению, можно с полным основанием считать Подготовительным этапом к Столичному Пскову. Анализ составляющих его градостроительных и исторических событий позволяет считать этот переходный этап равно принадлежащим к Столичному периоду, поскольку он стал горнилом для формирования основных структурных составляющих столичного Пскова и начальным этапом формирования известного нам и, в главных чертах, существующего до сих пор городского ансамбля.

Лагунин Игорь Иванович – зам.директора Генеральной дирекции «Псковреконструкция», архитектор-искусствовед

Итак, ориентируясь на принятые в истории русского градостроительства методики², попробуем охарактеризовать всю предшествующую историю развития города по главным структурным составляющим. Цель – выяснение тех особенностей, которые имели значение для формирования общепризнанно выдающегося памятника отечественного градостроительства.

1. Функциональная структура города, которая является основополагающей для развития любого городского образования, за века изменялась очень значительно. – Поселение возникло как укрепленный, не главный (Изборск) племенной центр округа. – Во времена киевского Великого князя Игоря и Святой равноапостольной княгини Ольги, очевидно, приобрело дополнительную функцию погоста для сбора дани с племенной территории, что явилось толчком для развития торговли, ремесел и роста поселения. Предполагаемый этап удельного княжения Судислава (до 1036) – время развития протогорода как военного укрепленного центра округа и административной столицы Земли Псковской. «Новгородский период» принес противоречивые последствия. Потеря самостоятельности сказалась на развитии ад-

министративной, торговой функций. Внешнеполитические события принесли территориальные потери городскому поселению, но подтолкнули Псков к значительному росту как военно-оборонительного центра, главного на западных границах русских земель. Соответственно, возросло самосознание. Псковичи добиваются серьезных успехов в восстановлении института собственного княжения (военно-оборонительная функция), в административном управлении, в развитии торговли, хозяйственной деятельности, городского жилого, оборонного зодчества, а также церковного строительства, зависимого от Новгорода в наибольшей степени. К концу периода Псков восстановил «особенное княжение», по определению Н. М. Карамзина, и превратился в один из столичных европейских городов достаточно самостоятельной Земли Псковской.

2. Планировка города и эволюция основных структурных элементов. Поселение возникло как укрепление секторно-мысового типа³. Высокий кремлевский мыс, господствующий в речных панорамах над окружающей местностью, остался главным градообразующим и доминантным элементом ансамбля. Первоначальная планировка поселения на высоком мысу при впадении Псковы в Великую, очевидно, тяготела к круговой и формировалась первоначально вокруг едва улавливаемой (К. М. Плоткин⁴) вечевой площади, на которой могло располагаться местное святилище. Внешний вид поселения предположительно определяли дерево-земляные укрепления, не сильно выраженные. Они только поддерживали силуэт возвышенного естественного мыса, формы которого были искусственно усилены путем эскарпирования и планировочных мероприятий.

В Ольгинский период в силуэте крепости появился новый акцент в формах деревянного Троицкого храма. Дерево-земляная крепость придавала поселению черты города-крепости. Само поселение вышло своей посадской застройкой за пределы укреплений на юг, вдоль берега Великой и протянулось вдоль Псковы второй линией рядовой(?) застройки. Застройка вдоль Псковы шла по направлению дороги (будущей Новгородской) к бродам⁵ и поворачивала на север, в сторону Чудского озера. Оба направления, очевидно, определялись основ-

ными дорожными направлениями вдоль рек Великая и Пскова. В междуречье развивается языческий некрополь со своими святилищами. Еще один некрополь скандинавской знати (связанный с отдельным поселением(?) и большой южной дорогой на Выбуты, Новгород, Полоцк и Киев) образовался на возвышенности к юго-востоку от города. Как и позднее, трассировка дорожных направлений определялась на то время основными водными магистральями. На тот период – направлением одного из путей «из варяг в греки» (север-юг). Не исключено, что напротив крепости, на Завеличье уже в это время появился укрепленный княжеско-дружинный двор со своим святилищем (место будущего Ильинского монастыря). Поселение свободно развивается, осваивая достоинства естественного рельефа местности, не ограничиваясь междуречьем. К нему тяготеют локальные сельские пригородные селения. В околородье развивается поселение Выбуты, как княжеско-дружинный центр контроля за большой водной дорогой на юг, появляются капища нового, княжеско-дружинного языческого пантеона богов на Мирожье(?), в Промежице и Перыни (Никольский Перынский монастырь).

На заключительном этапе «Новгородского периода» город пережил очень большие перемены в градостроительном развитии. Центральное укрепление реконструируется, расширяется (Домантова стена) и освобождается к концу периода от жилья. Оно превращается в Кром (осадные дворы-клетки, хранилища стратегических припасов) и детинец во главе с большим каменным Троицким собором. В предградьи образуется большой торг, который в конце периода перемещается на место современной главной площади города, за пределы кремлевского комплекса. «Старый торг» благоустраивается и превращается в планировочный центр городской посадской застройки. Новый центр определяет развитие уличной сети и главные направления кончанской структуры посада со своими локальными центрами. Главной доминантой ансамбля остается псковский кремль. Княжеско-церковный комплекс в нижней крепости – Домантовой стене – на заключительном этапе преобразуется в т.н. Довмонтов город, впоследствии, необычный для русских (и не только русских) городов церковно-административный центр. Возможно, именно

теперь в детинце формируется новая вечерная площадь у стен Троицы. Каменные крепостные стены при посаднике Борисе защитили посадскую застройку. Внешне Псков стал каменной твердыней, над которой возвышались только кремлевский ансамбль во главе с Троицким собором, отдельные башни и верха немногочисленных храмов. При этом город сжался до пределов каменных стен и потерял к к. XIII в. хаотичную, разбросанную жилую застройку, включая пригородное поселение на Завеличье. Однако в панораме р. Великой вместо княжеско-дружинного поселения на Завеличье появились (и сохранились до наших дней) храмы-монастыри: Спасо-Мирожский, Иоанно-Предтеченский, которые придали совершенно новое объемное звучание всему городу. Особенно большие, знаковые перемены - строительство Домантовой стены и стены посадника Бориса, организация новой Торговой площади (сохранялась вплоть до I пол. XX в.), строительство нового главного посадского храма Михаила и Гавриила Архангелов в Городце. Совершенно новое явление - строительство каменного собора Снетогорского Рождества Богородицы монастыря в панораме Великой в ближнем околородье. Эти перемены, связанные с большими потерями старых структурных элементов и застроек, подготовили Псков к самому яркому Столичному периоду в его развитии.

Предыстория «Столичного периода»

Архитектура и градостроительство, как «искусство королей», имеют очевидные основания считаться продолжением государственной политики. Поэтому в определении границ «Столичного градостроительного периода» мы ориентировались на общепризнанные даты «московского взятия» (1510) и Болотовского договора (1348?), который большинством исследователей считается официальным началом псковской независимости, прежде всего от Новгорода. 1510 год не вызывает сомнений ни по датировке, ни по градостроительным последствиям. А вот к дате «1348 год», как к начальной для Столичного периода, при всей очевидности намечившихся в сер. XIV в. социально-политических и градостроительных перемен,

придется вернуться. Анализ событий, происшедших во времена Довмонта и после его княжения, позволяет, вслед за современными историками, попытаться уточнить понятия «независимости» Земли Псковской и «столичности» ее главного города. Это необходимо сделать, чтобы разобраться в причинах происшедших градостроительных мероприятий, которые бесспорно превратили Псков в главный город самостоятельного государственного образования Земля Псковская (так точнее). Поэтому позволим себе сделать шаг назад и пересмотреть события последнего этапа предыдущего «Новгородского периода» и даже выделить его в самостоятельный «Подготовительный этап» к «Столичному периоду» в градостроительстве Пскова.

В свете новейших исследований понятия независимости Земли Псковской и столичности ее главного города приобретают все более сложный, многокрасочный характер, богатый нюансами и оттенками. Большинство исследователей признают всю относительность понятия самостоятельности Земли Псковской в условиях продолжающейся зависимости всей Земли Русской от Золотой Орды, ее ставленников – великих русских князей, и подогреваемых Сараем междоусобиц. Вместе с тем, такие крупные исследователи, как В. Л. Янин, на основании анализа документов, летописных известий и археологического материала, приходят к парадоксальному, на первый взгляд, выводу о фактической независимости Псковской земли от Новгорода, уже начиная с призвания Всеволода Гавриила⁶. Правда, на период XIII-XIV вв. о какой бы то ни было независимости можно говорить в рамках государственного образования Русь только условно. Псков, как боевая пограничная русская земля, оставался частью этого объединения. Хотя следует признать, что в наиболее угрожаемые моменты прямого вторжения Орды или ее представителей у псковичей были попытки найти поддержку и защиту в лице западных соседей. Позднее средневековье в Восточной Европе – это бурлящий котел непрекращающихся войн, междоусобиц, временных союзов и стихийных бедствий, которые позволяют до определенного времени достаточно условно говорить о русских землях (даже, например, о Новгороде) как о самостоятельных государствах. Но борьба за самостоятельность или даже за господство в Русской

земле, подогреваемая ордынцами, велась непрерывно. Для разных земель этот вопрос на фоне тяжелого и позорного данничества решался настолько по-разному, что говорить о каких-то общих процессах в этот период трудно. Только борьба за ярлык на великое княжение оставалась стабильной и привела, в конце концов, к объединению русских земель путем военного подавления противников и союза с позиции силы. Для псковичей символами независимости оставались времена удельного княжения Судислава и призвания великого князя Всеволода-Гавриила. Избежавший прямого татаро-монгольского разгрома Псков видел все беды зависимости в лице Новгорода – ордынская дань (Псков, как часть Новгородской земли, не мог в этом не участвовать), лишение самостоятельного княжения, церковная зависимость. Только вынужденное участие в решении военных проблем Земли Новгородской отчасти компенсировалось военным союзом Новгородской конфедерации и помощью Новгорода в борьбе с Западом. Приносил свои плоды торговый союз. Но и в этих вопросах более всего запоминались обиды со стороны новгородцев, когда они не приходили на помощь в наиболее опасные моменты или решали торговые дела в свою пользу.

Во II пол. XIII - I пол. XIV вв. на фоне новых внешних угроз военно-дипломатические действия Пскова оказались успешными. В сложной политической ситуации, которую переживала вся Русская земля к столетию татаро-монгольского нашествия, создались предпосылки для восстановления статуса города Пскова как столицы относительно самостоятельного государственного образования «Земля Псковская». О восстановлении былых привилегий псковичи, проводившие все более независимую политику, мечтали давно. Маневрируя между мощными государствами русского Востока (Москва, Тверь, Новгород) и защищаясь от государств ближнего Запада (орденская Рига, Дерптский епископат, Литва, Швеция), они все более тяготились зависимостью от Новгорода, часто не считавшегося с интересами «младшего брата». Они мечтали о старине. Псковичи хорошо помнили такие эпизоды взаимоотношений, как «немирье» с новгородцами и владыкой Феоктистом 1307 года, незадолго до ухода владыки на покой по немощи.⁷ Их посадни-

ку Борису, в предвидении внешних опасностей, в том числе и новгородской, пришлось укреплять Псков и его посады новой каменной стеной (1309). Церковные конфликты с Новгородом обострялись, похоже, со сменой каждого владыки. Церковные сборы, руководство псковскими церковными делами наместников новгородского владыки и подъезды тяготили псковичей, которые и так несли бремя тяжелых военных сборов. Этот фактор сдерживал церковное строительство, которое велось в Пскове князьями в редкие периоды их пребывания либо новгородскими владыками. До XIV в. даже трудно назвать храм, бесспорно возведенный псковской городской общиной или ее руководителями. Псковичи хотели самостоятельно решать вопросы церковного строительства, представлять свои интересы перед великими князьями, призывать князей-воевод, а не глядеть из-под руки Новгорода. Тем более, что Новгород не всегда мог и хотел помогать «младшему брату», занятый своими проблемами.

Официальной датой установления независимого от Новгорода правления традиционно считается дата, близкая к 1348 году, упоминания Болотовского договора, в котором были оговорены главные вопросы независимой от Новгорода политики. Этот акт, наверное, торжественно помещенный на почетное место в ларь Святой Троицы, только подтвердил, как считает В. Л. Янин⁸, старые отношения. Но он стал новым мощным стимулом для военно-политического, экономического и градостроительного развития Пскова как столицы суверенного государства в рамках конфедерации русских земель. В I пол. XIV в. начался новый, самый яркий градостроительный период в истории древнего Пскова. Это подтверждается всем ходом архитектурных событий. Фактически в этот период начинает складываться тот ансамбль, который определяет лицо древнего города и является главной его ценностью и теперь.

Основным фундаментальным источником наших знаний о развитии псковского градостроительства служат содержательные псковские летописи под редакцией А. Н. Насонова.⁹ Согласно его наблюдениям наиболее ранние списки могут быть датированы концом XV в. (ПЛ II - Синодальный список), то есть сами списки современны настоящему периоду, что придает этим документальным свидетельствам

особую ценность. Исследователи относят само возникновение официального псковского летописания к «Столичному» периоду. Например, к 1367 г., году строительства нового здания Св. Троицы (Г.-Ю. Грабмюллер¹⁰). А. В. Валеров датирует первый псковский летописный свод примерно 1352 годом.¹¹ Не меньший интерес представляют свидетельства новгородских летописцев, особенно ценные, поскольку отражают позицию «старшего брата», критически и заинтересованно воспринимавшего действия псковичей, особенно те, которые задевали интерес и авторитет Новгорода. Исследование А. В. Валерова, посвященное сравнительному анализу источников, значительно углубляет наши представления об эпохе становления псковской независимости. По-прежнему археологические источники, опубликованные авторами многолетнего изучения культурного слоя древнего Пскова, остаются важнейшими для подтверждения летописных известий, для выявления границ поселения, его топографии и особенностей застройки. На данный период мы имеем фундаментальные исследования И. К. Лабутиной «Историческая топография Пскова в XIV-XV вв.»¹², Ю. П. Спегальского «Псков. Художественные памятники»¹³. Большой интерес представляет для данного очерка исследование московского архитектора Г. Я. Мокеева «Столичный центр древнего Пскова»¹⁴. Оно основано во многом на результатах многолетних раскопок археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в Довмонтовом городе¹⁵ и лежит в русле новой православной традиции. Начиная с к. XVIII в., история вечно-го Пскова и его архитектурного ансамбля в разных аспектах нашли отражение в многочисленных книгах, статьях и сборниках историков, краеведов, археологов и искусствоведов.¹⁶ Все эти источники и исследования восполняют недостаток изобразительных материалов по топографии и градостроительству раннего периода, начиная с которого (к. XIII - I пол. XIV вв.) можно понастоящему вести градостроительный анализ Пскова как архитектурного ансамбля.

История возникновения отдельного государства «Земля Псковская» на карте европейского Востока теснейшим образом связана с непростой политической обстановкой, которая сложилась на Руси после татаро-монгольских завоеваний. Псков после 1239 года, как и

прочие русские княжества, входил в состав земель-данников, подвластных Золотой Орде. Хотя и испытывал меньшую зависимость от нее, являясь членом новгородской конфедерации. Он находился географически в более выгодном положении, чем юго-восточные земли, которые продолжали подвергаться набегам и разорению, несмотря на выплаты дани и полное признание власти ордынцев. Псков пользовался моральной привилегией защитника западных русских границ. В сер. XIII века на юго-западе от границы Земли Псковской возникло новое независимое Литовское государство, на 90 процентов населенное западными русичами, которое в начальный период стало надеждой в борьбе с Ордой, против которой Русь еще была слаба выступить. Часть западных русских княжеств, чтобы спастись от татар, признала власть Литвы и влилась в новое государство, стремительно набиравшее силу. Особые отношения с Литвой сложились и у Пскова. В период объединения Литвы под властью национального кумира Миндовга, после его кончины Псков принял семью нальшанского князя Довмонта - заклятого врага последователей Миндовга. Псковичи пригласили на княжение юного князя, крещенного в Пскове и впоследствии женатого на внучке великого князя Александра Невского. Довмонт долго и успешно княжил в Пскове. В то время как другие, юго-западные русские княжества искали спасения под властью Литвы, Псков поначалу противостоял ей, нанося чувствительные удары противнику. Не желая нарушать патриархальные республиканские традиции и потеряв права призывать князей, Псков, тем не менее, начиная с принятия Всеволода-Гавриила, использовал каждую удобную возможность заполучить князя в качестве предводителя псковского войска и защитника. В. Л. Янин считает, что со времени Всеволода Мстиславича и его брата Святополка, одного из первых псковских князей, Псков уже получил столичность и восстановил самостоятельность по отношению к Новгороду, проводя вполне независимую политику¹⁷. На период Святополка Мстиславича эта точка зрения находит градостроительное подтверждение. Но городской ансамбль не получил дальнейшего последовательного развития. И это отражает, на наш взгляд, истинное положение дел. Поэтому более точно можно говорить о

так называемом «Новгородском градостроительном периоде» только как предшествующем по-настоящему «Столичному». Тем не менее и тогда Псков использовал каждую возможность, чтобы восстановить «законное право» жить «по старине». Обращает на себя внимание тот факт, что псковичи охотно принимали гонимых князей, которые должны были считаться с их условиями. Ни о каком присоединении к Литве при Довмонте не могло быть и речи. Но после его кончины политическая ситуация изменилась. Еще при жизни Довмонта Псков оказался втянутым в большую внутриросийскую политику, в центре которой оставалась борьба за великое княжение на Руси. Золотая Орда, выдавая ярлыки и срамливая русских князей, сама того не желая, помогала собирать русские силы, которые иногда выступали против наиболее вопиющих притеснений ордынцев. Приграничный Псков стал прибежищем для опальных великих князей.

Несомненной вершиной политики и дипломатии Пскова стал трудный период правления Довмонта, прерванный на короткое время княжением ставленника великого князя Ярослава Ярославича (около 1271 г.)¹⁸, некоего Августа, о котором в Пскове не осталось никаких известий. Имя Довмонта затмило его окончательно. Княжение этого псковского князя нашло отражение не только в истории города, но и в градостроительстве. В названии Домантовой стены, возможном строительстве княжьего двора на вновь защищенной территории городского торгового центра, строительстве храмов с воинскими посвящениями. Все это зачатки будущего столичного ансамбля. Поскольку имя Августа не нашло отражения в народной памяти, едва ли можно приписать ему такие заслуги. Воодушевленные победами Довмонта, псковичи могли сменить неугодного ставленника великого князя через считанные месяцы, к 1272 г. То есть сразу после кончины Ярослава Ярославича, еще недавно грозившего Пскову нападением. Новгородцы сразу после кончины этого князя призвали на свой стол соратника Довмонта по Раковору – великого князя Дмитрия Александровича, будущего тестя Довмонта. Псковичам представился удобный случай восстановить довмонтово княжение. Новым шагом на пути возрождения старых традиций стала женитьба Довмонта на дочери великого кня-

зя Дмитрия Александровича Марфе (Марии), внучке Александра Невского (1281?). В следующем году младший брат великого князя тверской князь Андрей Александрович вероломно захватил великое княжение, призвал татар, которые страшно разорили землю русскую. Дмитрий Александрович бежал в недавно отстроенную им крепость Копорье, где собирался отсидеться. Но против него выступили новгородцы, признавшие нового великого князя. Они не могли простить Дмитрию Александровичу, что он закрепил отстроенную пограничную новгородскую крепость Копорье за собой. Довмонт поддержал тестя в Копорье против новгородцев, но те принудили его уйти с княжскими людьми и срыли крепость до основания.

Война против Твери великих князей Даниила (Москва) и тестя Довмонта Дмитрия (Переяславль) Александровичей, несмотря на тяжелое начало, развивалась в их пользу. Еще раз, в 1293 г., Дмитрий Александрович, когда ему отказали в прибежище новгородцы, «прибежал» в Псков, к зятю Довмонту, и был принят с честью. Правда, и отсюда ему пришлось бежать. Псков получил право участия в великой политике. Он из первых рук получил возможность прочувствовать все ужасы ордынского правления и в то же время небезнадежность противостояния, в котором фактически участвовал, принимая опального князя. Братья, потерпев поражение и пережив разорение своих городов, выиграли морально. Тесть Довмонта Дмитрий Александрович, в конце концов, выиграл борьбу с соперниками за великое княжение и укрепил свои позиции. Родной брат Дмитрия, великий князь Даниил сумел после поражения укрепить, расширить и усилить Московское княжество настолько, что оно стало главным могущественным соперником Тверского в борьбе за великое княжение на Руси. Впрочем, время Москвы для Пскова было еще впереди. Псков почувствовал себя полноправным участником великой российской политики. Городу в конце княжения Довмонта довелось испытать новое жестокое нападение рыцарей, разорение окрестностей, сокращение территории до границ будущего Застенья. Бедствия довершил жестокий мор, который, вероятно, и унес жизни Довмонта и его жены, закончившей свои дни в иночестве, в Ивановском пригородном монастыре, который перестал быть

княжеским придворным, а стал загородной женской обителью в результате описанных военных бедствий. Основание разоренного немцами Рождественского Снетогорского мужского монастыря (загородного княжьего, ибо Мирожский оставался владычным?) церковное предание приписывает также Довмонту. Таким образом, в 30-летнее правление князя городской ансамбль Пскова претерпел значительные принципиальные изменения, готовясь стать, подобно Новгороду, столичным городом.

Псковичи в своей политике не могли не считаться с Сараем, стремились к непосредственному сотрудничеству с великокняжеской властью (помимо Новгорода и даже против его воли). На фоне усиливающегося натиска западных врагов и развивающихся между русскими князьями междоусобиц они были вынуждены проводить все более самостоятельную политику по отношению ко всем соседям и продолжали искать союзников против внешних врагов. Как уже говорилось, Псков оставался составной частью Новгородской конфедерации и не находился в непосредственном подчинении Орды или великих князей. Исследователи отмечают на тот период недостаточные внешнеэкономические возможности Псковской земли.¹⁹ С западными соседями в этот период частых военных конфликтов торговля имела прерывистый характер. Основным партнером оставался Новгород, с которым тоже не все было гладко – метрополия была заинтересована в «колониальной» торговле, приносившей основные выгоды ей самой. Отсюда также нарастал конфликт. Тем не менее, Псков как мощный военно-оборонительный бастион, вместе с Новгородом в это время становится значительной «третьей силой», к которой все чаще прибегали великие князья в ходе большой борьбы между новыми главными соперниками – Москвой и Тверью. Эти факторы оказались решающими для развития. Псковские князья и наместники не имели официального статуса властителей и сборщиков дани для Орды, им не надо было получать в Сарае ярлыки и выпрашивать разрешения на княжение. Они не имели официальной преемственности. Псковичи воспользовались и этими преимуществами, призывая, по мере возможности, князей-военачальников и укрепляя режим республиканского правления. И в то время как Новгород иног-

да переживал притеснения и попытки разорения ханскими ставленниками, откупаясь и идя на непопулярные соглашения, Псков, подобно Литве, приобретает славу своеобразного оплота независимости на небольшом островке русской земли между Орденом и Ордой, будучи недостижим для прямых набегов степняков и их русских союзников. Главные опасности грозили ему с запада. Специфическое положение Пскова и его успешные оборонительные действия создали предпосылки для его развития как административного центра достаточно самостоятельной земли и города-крепости, население которого, освобождённое от вотчинного тягла волостной сельской общины, быстро увеличивается²⁰, несмотря на опасную воинскую повинность.

Ярким примером растущей самостоятельности и принятия независимых решений, важным для дальнейшей судьбы и растущего авторитета Пскова стало принятие псковичами опального великого князя Александра Михайловича Тверского, выступившего непосредственно против татар и вынужденного бежать на запад от неминуемой расправы. Тверь, соперник Великого Новгорода, который для псковичей периодически оказывался противником и, в определенной мере, представителем ордынской власти, сборщиком тяжкой татарской дани,²¹ в лице Александра Михайловича на время оказалась важным союзником псковичей. Князь, не принятый Новгородом, был принят псковичами, которые сочли возможным не считаться ни с Новгородом, ни с Ордой. Этому предшествовали следующие события. Накануне, в 1322 г. Псков принял соперника тверского князя Михаила и его сына Александра Михайловича – будущего великого, а в 1314-18 и с 1322 года новгородского князя Юрия Даниловича, тоже внука Александра Невского и тоже беглеца. Князь Юрий попытался с помощью новгородцев вернуть великое княжение, но потерпел разгром от Александра Михайловича Тверского. Он бежал в Псков, спасаясь от тверского князя, мстившего за гибель своего отца в Орде (1319), к которой Юрий Данилович был причастен. Спасаясь в Пскове, Юрий Данилович, будучи ранее и позднее новгородским князем, много и успешно сражавшимся с западными врагами Новгородской земли, только наблюдал, как псковичи, призвав литовского

князя Давыдку, ходили за Нарову и разоряли немецкую землю «до Колывая». Они мстили рыцарям за дерзкие набеги и избиения псковичей. Ни Новгород, ни князь Юрий не помогли Пскову. Очевидно, Юрий Данилович отказал Пскову в княжении, понимая, что тогда он не сможет рассчитывать на поддержку Новгорода в борьбе за великокняжеский престол. Когда князь Юрий отбыл в Новгород, немцы, не успокоившись, подошли к самому Пскову и стояли на Завеличье. Посольства в Новгород за помощью оказались безрезультатными. Только неожиданный удар в тыл немцам собственного изборского князя Евстафия и помощь вызванного вновь из Литвы князя Давыдки помогли наголову разбить и прогнать рыцарей, а также заключить выгодный для Пскова мирный договор. Вновь помощь пришла из Литвы, которая на тот момент находилась в союзе с Тверью (направленном против Москвы и Новгорода). На этот союз и ориентировались псковичи, призывая на помощь литовцев. Не могли они забыть и заслуги выходца из Литвы – славного Довмонта.

Возможно, эти события положили начало отторжению от Новгорода и все более самостоятельным действиям Пскова. Псковичам памяты были недавние события, когда возникла реальная угроза прямого разорения Новгорода татарами и их союзниками - тверичами. В 1317 г. их привел на Новгород великий князь Владимирский Михаил Тверской, отец Александра Михайловича. Псковичи тогда выступили вместе со всеми участниками конфедерации – новгородцами, ладожанами, рушанами (Русса), корелой, ижорой и водью, и помогли Новгороду выстоять – не допустили татар в Новгород.²² Спустя два года, Псков впервые выступил наравне с Новгородом авторитетным миротворцем между Юрием Даниловичем Московским и тем же Михаилом Тверским. «Псков и Новгород» с владыкой Давыдом пришли на Волгу и заключили с Михаилом Тверским миротворческий договор. Князь Михаил отпустил захваченную им в плен жену Юрия Даниловича, бывшую новгородскую княгиню, и его брата Бориса. Обоим соперникам – и Михаилу, и Юрию – новгородцы и псковичи рассудили идти в Орду, чтобы там мирным путем разрешить конфликт. Великий князь Юрий победил, интригами добился казни Михаила

Тверского и его сына Константина в Орде. Он стал великим князем и прислал княжить в Новгород брата Афанасия, которого вновь ненадолго сменил на этом посту, будучи отстранен от великого княжения тверичами. Кара от руки Дмитрия Михайловича, младшего сына великого тверского князя Михаила, настала в Сарае и самого Юрия Даниловича. Дмитрий Михайлович совершил отмщение без воли хана, за что также был казнен. В этой сложной обстановке с захватывающими интригами Псков, как видим, не только поддерживает Новгород, но успешно выступает наравне с ним защитником и справедливым судьей, прибежищем для гонимых, приобретает политический вес, авторитет и опыт, необходимые для самостоятельных политических решений и действий.

Любопытная коллизия 1322 г. весьма характерна. Псковичи вновь призвали против своих немецких обидчиков литовского князя Давыдку, прославленного победителя ливонцев. Как отмечает псковский летописец, он приехал, когда во Пскове еще пребывал опальный великий и совсем недавно новгородский князь Юрий Данилович, для которого создалась двусмысленная ситуация. Нашедший прибежище в Пскове, еще недавно великий новгородский князь лишь присутствует при победных действиях псковичей. При нем князь Давыдка приглашает для участия в военных действиях новгородцев, которые по крестному целованию (по конфедеративному договору), тоже пришли в Псков. Их «поставиша в Загородьи, в Офонасове дворе, в диаконове».²³ Место расположения новгородского войска нужно искать за городом, у реки, где можно было поить лошадей, в правобережье Великой, поскольку враг грозил с запада и, возможно, близ загородного монастыря. Упоминание дяконова двора здесь не случайно - едва ли частный двор мог разместить новгородскую дружину. Тем временем Юрий Данилович отбыл в Новгород, вновь принят новгородцами на княжение и продолжил успешные военные действия против шведов, литовцев, наказывает взбунтовавшихся устюжан. Псков решил свои проблемы без его участия, а новгородцев пригласил на условиях взаимных обязательств перед внешним врагом. Против Литвы в тот момент общих обязательств не было, иначе новгородцы не пошли бы под руку литовского князя Давыдки. Впрочем,

неизвестно, участвовали ли они на стороне псковичей в боях и не по этой ли причине отказали в помощи Пскову, когда немецкая рать пошла под его стены.

Новый случай самостоятельно проявить себя псковичам представился в 1327 г., когда Александр Михайлович Тверской, сын бывшего великого князя Михаила, теперь прямой враг Орды, не получивший согласия на убежище в Новгороде, попросил защиты в Пскове и был принят псковичами. Они не побоялись с честью принять гонимого князя, против которого еще не так давно выступали (до боя дело не дошло). И не только принять, но и поставить князем над псковским воинством. Татары за убийство в Твери Александром Михайловичем баскаков разорили всю землю Русскую до Новгорода, которому удалось откупиться. Только Псков не пострадал и бросил вызов татарам. На другой, 1328 год хан Узбек приказал великому князю Ивану Калите искать князя Александра. Великий князь поднял низовских князей, всю Землю Новгородскую и повел против Пскова. Тогда же (1329) приехал московский митрополит, «родом гречин», Феогност с угрозой отлучения Пскова от церкви. Псков принял посольство великого князя - Луку Протасьева и новгородского владыку Моисея, которые прибыли с угрозами большого похода на Псков и отлучения от церкви, если Псков не выдаст князя Александра добром. По псковским летописям, Александр Михайлович, который боролся против насаждения ханских баскаков по всем городам русским, сам объявил об отъезде из Пскова, чтобы отвести проклятие. Псковичи с честью проводили его в Литву, а затем подтвердили верность великому князю московскому Ивану Калите и получили мир вечный (впервые с Москвой?) «по старине и по дедине».

Псковский летописец замечает, что угроза отлучения для Ивана Калиты оказалась единственным средством против Пскова, потому что иначе «не выняти князя Александра, не выгнати ратию».²⁴ По сути, это была большая победа псковичей, которые получили мир, не выдав обидчика ордынского хана. «Вечный мир по старине и дедине» с московским великим князем и есть главное признание нового статуса Пскова. Возможно, именно это стало главной уступкой мятежной приграничной земле. В псковских летописях это событие отмечено

фразой: «Зачало княжения Московскаго».²⁵ Псков выступает самостоятельным субъектом права при заключении договора «по дедине», т.е. возвращаясь к тем временам, когда был центром самостоятельного удельного княжества. Болотовский мир подтвердил то, что фактически уже имело место. С этого времени Псков проводит свою политику вполне самостоятельно, опираясь как на авторитет московского великого князя, так и на Литву, умело лавируя между большими силами. Любезный псковичам князь Александр Михайлович оставил княгиню в Пскове, а через полтора года вернулся к ней из Литвы и вновь был принят псковичами на княжение. Новгородский летописец с горечью замечает: «...зане плесковици измениле крестное целование к Новуграду, посадили собе князя Александра из литовския руки...»²⁶ По этим событиям уже можно судить о достаточной независимости Пскова не только от Новгорода и Москвы, но даже от ордынского хана.

Некоторые исследователи считают, что Псков с этого момента находился под протекторатом Литвы, поскольку ведет себя столь дерзко и оттуда получает князей. В период татаро-монгольского ига Литва, особенно поначалу, воспринималась русскими как оплот сопротивления, и отношение к ней было как к дружественному, почти одному из «своих» княжеств. Она включала древнейшие русские земли - Полоцк, Волынь - и населена была в массе русскими. Православные иерархи в Литовской земле подчинялись московскому митрополиту. Только при Ольгерде, после его очевидно захватнических походов это отношение начинает изменяться, а после принятия католицизма (начиная с 1349) и окончательного падения татарского ига (1480) Литва понемногу становится одним из главных врагов Московской Руси, вплоть до Смутного времени выступая под знаменем прямого наследника Киевской Руси и всех русских земель. А пока отношение к Литве, союзнику Тверского княжества, как к надежде на освобождение от ненавистных ордынцев, ее покровительство благоприятствовали Пскову в его самостоятельных действиях. Но делать на этом основании вывод о прямом подчинении Пскова было бы преждевременно. Скорее можно говорить о тонкой, хитроумной дипломатии Пскова, ибо прямых следов «литовского правления» в Пскове не заметно²⁷.

Хотя некоторые основания для такого предположения у исследователей все же есть.

После вторичного принятия «из рук Литвы» князя Александра Михайловича Тверского псковские послы от князя и от литовского великого князя Гедимина, и «от всех князей литовских» прибыли к митрополиту московскому Феогносту на Волынь. Воспользовавшись его пребыванием в литовских на тот момент землях - во Владимире на Волыни, где он ставил нового иерарха, они привели с собой некоего Арсения и просили поставить его псковским владыкой. Митрополит отказал. Псковские летописи об этом умалчивают, а новгородские сообщают, что псковичи поехали из Волынской земли к Киеву «посрамлены». ²⁸ Таким образом, можно говорить о том, что эта попытка, которая могла подтолкнуть к полному переходу Пскова под руку литовского великого князя, по счастью, не удалась. Ее нужно рассматривать на фоне предшествующего данному событию большого похода на Псков великого князя и нереализованной угрозы отлучения от русской церкви - страшной, но, по счастью, не имевшей для Пскова плохих последствий. Кстати, отлучение от русской церкви было страшно только в том случае, если Псков не был под властью Литвы. Но сама дипломатическая акция «сработала» в его пользу. Отдать Литве западный форпост Русской земли для Ивана Калиты, Новгорода и всей Руси было бы страшной утратой. Потому так неожиданно мирно и закончился конфликт, а Псков получил дополнительные привилегии и свободы. Он оставался в лоне русской и новгородской церкви, в правовом поле договоров «по старине и дедине» непосредственно с Великим князем, минуя Новгород. В этот период его никак нельзя считать литовским. Однако он несомненно имел достаточно большие обязательства перед Литовским великим княжеством за поддержку и защиту, как от Ордена, так и от московского великого князя, в очень опасный для Пскова момент его истории.

Последние события и княжение в Пскове великого князя Александра Михайловича, бывшего правителя одного из мощнейших княжеств, соперника Москвы, претендующего на главенство на Руси, не могло не льстить псковичам, как когда-то пребывание Всеволода Мстиславича. Все это способствовало идее

псковской государственности, становлению политических, правовых, юридических основ будущей Земли Псковской.

Разрешение сложных внешнеполитических задач на фоне временного ослабления главных восточных княжеств и усиления западных соседей – защита от врагов с Запада, союз с Литвой, «вечный мир» с великим князем, отпор великому ордынскому хану Узбеку и успешное противостояние Новгороду – все это зримые черты большой государственной политики. К этому следует добавить неудачную попытку добиться церковной независимости. «Зачало правления Московского» - подписание «вечного мира» с Москвой под 1328 (1329) годом в последующем было признано как важнейшее начальное событие новой псковской истории. Вскоре Псков окреп настолько, что отверг князя Андрея Ольгердовича, посаженного на псковский престол его отцом, самим великим князем литовским, показав, таким образом, всю относительность вассалитета по отношению к Литве. Псков и Литва могли по-разному представлять себе псковское княжение. Литва хотела видеть в нем прямой вассалитет, а псковичи - традиционную практику «призвания» князей как наемных, оплачиваемых вечевой республикой военачальников. В тяжелый момент большого похода рыцарей на Псков и Изборск, когда псковская дружина оказалась под Ореховцем, на защите новгородских границ от свейского короля Магнуса, литовский князь Андрей Ольгердович, сидевший на псковском столе, уехал, оставив своих наместников, побитых немцами. Псков отверг литовского князя и его наместников, не побоявшись кровавой мести литовцев, которая не замедлила последовать. Известный Болотовский договор с Новгородом, который упоминается под 1348 годом, в связи с событиями под Ореховцем, зафиксировал фактически сложившуюся ситуацию и признание Новгородом независимости Пскова «де юре». Псковичи могли использовать для очередного договора действующий «вечный мир» с Москвой - новой безусловной политической силой. Но «зачало нового московского правления» фактически наступило для Пскова значительно позже, спустя полтора столетия. Эту фразу следует приписать новым редакциям псковской «Повести временных лет». Хотя и преуменьшать значение

«вечного мира» Пскова с Москвой не стоит. Такие события стали предпосылками для нового блестящего градостроительного периода, превратившего Псков в один из столичных городов Восточной Европы. Все описанные события, независимо от результатов, способствовали подготовке Псковской земли к самоопределению как одной из русских земель-государств, способной и вынужденной решать большие военно-оборонительные, политические и административные задачи, а города Пскова к роли новой-«старой» («по дедине») столицы.

Поэтому считаем возможным выделить этап истории Пскова от приезда Довмонта до подписания Болотовского договора как

Подготовительный этап к «Столичному градостроительному периоду»

Градостроительные события точно определяют фактический статус Пскова и его политическое положение. Уже при Довмонте и посаднике Борисе проявилась та особая роль, которую исполнял древний Псков в истории Руси. В частности, это выразилось в строительстве новых систем укреплений, когда еще ни один столичный город русских княжеств не имел защищенных каменными стенами посадских территорий. Особый вопрос – время строительства Домантовой стены, которое определяется только по косвенным данным подстилающего материала XIII в. и не выходит за рамки нач. XIV в. Первоначальная стена Довмонта города не имеет летописной датировки. По остроумному замечанию Вл. В. Седова, она могла входить в систему укреплений того же посадника Бориса²⁹. И это не лишено оснований. Ее остатки похожи на остатки стен Борисова Городца. Домантова стена не похожа на мощную приступную, не найдены пока следы ее внешнего рва, который должен был брать на себя значительную часть оборонительных функций. Строительство внутренней стены, отделяющей весь детинец с предградьем от общедоступной торговой площади, посадов и улиц также не противоречит данному предположению. Мог быть не менее логичный вариант возведения Довмонтом временной линии обороны (деревянных стен, острог). Если здесь был двор князя, должна быть и его защита. А посадник Бо-

рис превратил эти временные сооружения в отдельную линию внутригородских каменных укреплений. Вместе с тем, строительство дополнительной линии укреплений при Довмонте, которому пришлось отражать в 1269 году (а потом и в 1299) мощные приступы ливонских рыцарей, также логично. Годы 1272-75, когда Довмонт укоренился в Пскове, относительно спокойные для Руси, но еще памятные недавним жестоким и вероломным нападением магистра Ливонского ордена, можно считать наиболее подходящими для строительства псковичами под руководством князя т.н. Домантовой стены. Впервые она упоминается в летописях только в к. XIV в., но большинством исследователей все же отнесена ко времени Довмонта. В. Д. Белецкий датировал первоначальную стену концом XIII в. по материалам раскопок и на основании анализа летописных известий о крепостном строительстве в Пскове с оговорками, т.к. исследования проводились на участке с нарушенной стратиграфией.³⁰ Раскопки фрагмента стены под Приказной палатой (1992, археолог Т. Е. Ершова) на непо потревоженном в Новое и Новейшее время участке подтвердили относительную датировку В. Д. Белецкого. Тем не менее следует оговориться, что она остается условной. В любом случае, строительству стены предшествовало строительство Довмонтом храмов в центральной части города – Тимофея Газского в честь святого патрона Довмонта-Тимофея (1266, предположительно ее остатки выявлены к северо-западу от крыльца Приказной палаты)³¹. Храм Георгия Каппадокийского с Болота, в честь победы над немцами на Мироповне (1268, 1270?) был первоначально возведен в южной части пл. Ленина (будущий кончанский храм Остролавицкого конца) либо как придел к Воскресенскому храму в Домантовой стене, как считают некоторые исследователи. Основание церкви Феодора Стратилата (в честь отражения под руководством Довмонта нападения на Псков магистра Ливонского ордена в 1269/1270) выявлены экспедицией Государственного Эрмитажа к северу от Приказной палаты³². Очевидно, все эти храмы были построены до временного отстранения Довмонта. Стена с церковным строительством никакими источниками не связывается. Возможно, сооружение Домантовой стены (или временной линии укреплений на ее месте) –

принципиально новый шаг, свидетельствующий о стратегических планах князя и псковичей, дополнительная защита города на время походов псковской дружины и на случай новых нападений врагов на Псковскую твердыню. А также шаг к начальной реконструкции будущего городского центра. Домантова стена изменила конфигурацию кремля, как укрепленного городского центра. Стена посадника Бориса поставила под сомнение его исключительную военно-оборонительную роль. Вполне возможно, что Домантова стена строилась с расчетом вынести в ее пределы часть функций собственно Крома, территория которого отныне предназначена для иных стратегических целей.

Неизвестно точно, когда в Крому появляются пороховые припасы и житницы стратегического значения. Вероятно, они находились там изначально. Но с определенного времени (по археологическим данным – рубеж XIII-XIV вв.³³), и особенно на рассматриваемом этапе, «клетки Крома» становятся главной особенностью кремлевского ансамбля в его северной части. Как считают археологи, этому предшествовала большая нивелировка площадки северной части кремля, очевидно, связанная с выносом жилья с его территории. Ко времени создания «Псковской судной грамоты» (1377), где особо оговорены, как наиболее тяжкие преступления, кражи на Крому, и еще раньше эта часть городской территории получила особый статус. Градостроительно (по археологическим данным) это выразилось в построении необычного городка, в котором двухэтажные клетки - амбары для хранения стратегических хлебных припасов, «рухляди» (ценностей) и воинского запаса Пскова – составляли целые улицы, заполнявшие все закрытое мысовое пространство Крома. Клетки на Крому, как особое хранилище хлебных припасов, впервые упоминаются под 1311 годом, когда был дорог хлеб в Новгороде и Пскове и «недобрые люди начали грабить села и дворы в городе и клетки на городе».³⁴ Причем грабители в числе 50 человек были пойманы и казнены («избиты») псковичами. Можно даже предположить, что само понятие Кром, близкое к понятиям «укромный – закрытый, защищенный», – имело особое значение, не адекватное общерусскому понятию «кремль». Особый оттенок этого понятия находит зримое выражение в его сохранившихся архаичных

крепостных укреплениях. В северной части Крома сохранялись старые дорегулярные крепостные стены с единственной Кутней башней. За Троицким собором территория должна была отделяться от доступной всем горожанам главной соборной церкви хотя бы деревянной стеной с воротами (как когда-то в Изборске, в крепости на городище). Потому что хранилище стратегических припасов охранялось как закрытая территория, с помощью специально содержавшихся там «кромских псов», известных по летописным источникам.

Градостроительные события, предшествующие «столичному» периоду в развитии Пскова, начинаются с расширения и преобразований в Псковском кремле, с которых начинается большая реконструкция главной твердыни Пскова. В таком случае, Псков даже опережает Новгород, каменный кремль которого переживает значительное расширение на юг и реконструкцию с 1302 года.³⁵ Но эти события, связанные с укрупнением масштаба кремлей русских городов, укладываются в один строительный этап. Факты говорят о наличии длительного переходного этапа, подготовившего реконструкцию столичного Пскова. Сочетание псковских республиканских вечевых традиций с современными западноевропейскими приемами в градостроительстве отчасти можно связать непосредственно с именем Довмонта, с вынужденным «изучением» псковичами традиций западного фортификационного искусства в ходе военных походов в Прибалтику. Но основа своеобразия псковских градостроительных решений – собственная, продиктованная сложным ходом развития Пскова и Земли Псковской в целом. После жестоких военных осад города в XIII в. немецкими рыцарями, когда город сжался до границ будущего Застенья, строится его внешняя стена – Городец. Кром (его северная часть), с его военными и хлебными припасами на рубеже веков превратился в своеобразный закрытый донжон, последнее прибежище горожан на случай крайней военной опасности. Весь детинец с главным городским храмом не был столь закрыт для жителей³⁶. Закрытость предполагала перемещение вечевой площади из северной части Крома, если она там еще существовала до к. XIII в., в детинец, к главной соборной церкви. Ансамбль Троицкого собора с вечевой площадью

превратился в самостоятельное звено кремлевского комплекса. А весь «замок» получил характерные для европейских фортификаций нижние системы каменных крепостных укреплений. Впрочем, сходство здесь чисто внешнее, оно продиктовано общим процессом развития схем нападения и систем защиты.

Строительство следующего здания Троицкого собора, восхищавшего современников величием и оригинальностью архитектурного решения, относится к «Столичному этапу». Это естественное продолжение событий произошло после новой реконструкции южной части кремля и устройства т.н. «Персей» - дополнительной южной линии кремлевских укреплений. Перси впервые упоминаются под 1337³⁷ г. в связи с именем посадника Шелого (Шолога, Солога - ум. 7 сентября 1337/8 г. в г. Пскове). В 1330 г. он «...со псковичи и со изборяны поставиша град Изборскъ на горе Жарави; того же лета и стену оучиниша камену и ровы изрыша под градомъ...» А в 1337 г. руководит работами по реконструкции Персей в Псковском кремле: «...с мужи псковичи оучиниша (по II летописи «починиша». – *И.Л.*) перси оу детинца, и путь положиша пространень къ святеи Троицы [на город]. Того же лета Шолога посадник преставися месяца сеньтября въ 7 день.»³⁸. Существуют разные точки зрения на термин «Перси» и их пространственное значение.³⁹ Как уже говорилось, начало реконструкции в предградье было положено при частичной разборке южного крепостного вала детинца и строительстве первого каменного Троицкого собора XII в. (см. очерк «Псков новгородский»). Нижняя площадка присоединена к детинцу после разборки вала его старой напольной линии укреплений (в районе южной стены нынешнего соборного храма). Окончательная разборка вала и перепланировка, очевидно, произошли при посаднике Шелоге. Подробный характер приведенных сообщений позволяет предположить, что в качестве основных в Пскове были выделены масштабные работы по перепланировке южного склона кремлевского холма («пространный путь»). Большие земляные и каменоломные работы были знакомы посаднику по Изборску («ровы изрыша»). Очевидно, он не только подсыпал нижнюю площадку Крома, но и вырыл летописную «Греблю» (с мостами через нее?). Гребля впервые упоминается через четверть века, под 1373/74 г. как существующая⁴⁰ Юж-

ная линия укреплений (каменная стена, как считает, И. К. Лабутина⁴¹), при наличии Домантовой стены и стен Городца, уже тогда не была важной оборонительной и оказалась в первоначальном виде недолговечной. Она неоднократно возобновлялась впоследствии. Если учесть короткие сроки и большой объем планировочных работ, которые было необходимо завершить, чтобы не оставить детинец без подъездного пути и защиты, первые укрепления Персей могли носить и недостаточно серьезный характер. Защиту детинца с юга обеспечивала каменная Домантова стена. Вся работа преследовала цели завершения нового ансамбля укреплений детинца с южной стороны. Если предположить, что в ходе перепланировки было положено начало благоустройству Вечевой площади, то все эти мероприятия трудно переоценить. Процесс реконструкции растянулся на весь «столичный период», но значение первичных мероприятий очень высоко. Главные идеи реконструкции, таким образом, были заложены посадником Шелогой. Примечательно, что работы в Изборске и на Персях Шелого вел в «Александрово правление», но в отсутствие князя. Работы вел Псков, его община.

На подготовительном этапе произошло или закрепилось главное функциональное назначение Домантовой стены как южной внутригородской стены кремлевского ансамбля. В 1308 г. «...Борис посадникъ замысли помостити Торговище, и помостиша, и бысть въсьм людемъ добро...»⁴² Топоним «Торговище» обеих псковских летописей здесь имеет конкретное значение площадки для будущего Торга. Можно с большой долей уверенности говорить об окончательном перемещении Торга на новую территорию за Домантовой стеной. Границы Торга И. К. Лабутина определила от Домантовой стены, Княжьего двора и воротной башни со стороны Псковы на восток и юг, на ограниченное расстояние. Это косвенно свидетельствует о соразмерности нового Торга прежнему, который, возможно, умещался в восточной части территории нынешнего Довмонта города под прикрытием Домантовой стены и под контролем старого Княжьего двора. После Довмонта в Пскове до 1320-х гг. упоминаются в качестве строителей и организаторов только посадники. Неизвестно, где принимали псковичи литовского князя Давыдку, ког-

да просили о помощи против рыцарей. Скорее всего, как и новгородскую дружину, за городом. Основания для строительства нового Княжьего двора вне Домантовой стены, на новом Торгу появились после 1327 г., в период длительного княжения любимого псковичами князя Александра Михайловича Тверского. Традиционной была передача князю в кормление суда и контроля над торгом. Строительство нового Княжьего двора на Торгу после замощения посадником Борисом Торговища и возведения на следующий год каменной стены Городца находится в том же ряду событий. После организации нового городского центра начинается окончательное формирование городских концов и кончанских региональных центров и микрорайонов, улиц и переулков. Строительство новой каменной церкви Георгия с Болота (1319/20 г.) – один из первых примеров строительства кончанского храма Остролавицкого конца.

Заключительными событиями подготовительного периода стало строительство после большого пожара в Застенье Персей псковского Крома посадником Шелогой (1337) и строительство главного посадского храма Михаила и Гавриила Архангелов в Городце (заложен в 1339) после кончины посадника. Можно предположить, что строительство Персей имело, как одну из основных функций, помимо оборонительной для городского ядра, противопожарное значение. Упомянутый пожар 7 сентября 1336 г. имел для Пскова катастрофические последствия. На данном этапе посадская застройка вместе с торгом полностью вышла за стены кремля и Довмонтова города. С другой стороны, к концу XIII в. она резко сократилась до пределов старого Застенья. Пожар, таким образом, практически уничтожил весь город. И только чудесное сохранение кремля с клетями и соборным храмом позволило ему достаточно быстро возродиться: «...и погоре все Застенье; а дътенца богъ оублюдь и святаа троица...»⁴³. Отсюда следует искать одну из причин и возможный характер реконструкции южной части Псковского кремля на данном этапе. Земля, камень и, возможно, вода – материалы строительства, способные противостоять огню и обеспечить традиционно защиту. Чтобы получить название «перси» (грудь), возможно не новое укрепление уже тогда должно

было гордо возвышаться над предградьем. А если учесть, что северный коренной берег оврага, превращенного в ров, был первоначально ниже на 4 м южного, внешнего⁴⁴, только ров-гребля и достаточно высокий земляной вал, укрепленный (и облицованный?) камнем, могли придать южной линии укреплений подобный вид. Трудно себе представить, чтобы Шелого сразу начал сооружать от коренного берега каменную стену, непомерной толщины и столь же непомерной, по тем временам, высоты. Материал для вала был получен путем разборки старого верхнего вала у Троицы. Это, вероятно, ослабило основание Троицкого собора, который вскоре затрещал. Неустойчивость оснований нынешнего собора в XVIII в. и позже косвенно подтверждает искусственный характер южной части кремлевского холма. Камень добывался при углублении Гребли. Следов ее углубления до воды пока нигде не обнаружено, хотя такой замысел напрашивается сам. Характерно, что в подробных летописных сообщениях не говорится ни о мостах, ни о новых воротах, а только об организации нового «пространного пути». Очевидно, что этот путь от Псковы, организованный еще в к. XII в. при перенесении в собор останков Всеволода-Гавриила, был реконструирован. Он должен был пройти с восточной стороны в обход нового вала, с поворотом на запад и подъемом к старому западному въезду на кремлевский холм, к главному входу в собор (создавая, таким образом, предпосылки для организации в последующем Темного захаба). «Пространный» в данном случае означает не «широкий», а «протяженный». Это направление сохранилось, в основе, до настоящего времени.

Последний акт Подготовительного этапа к Столичному периоду также многозначителен. Закладка храма Святых архистратигов Михаила и Гавриила, известная по летописям, относится к 1339 г. Это строительство уж точно следует связать с опустошительным пожаром в Застенье, начавшимся у стен Городца «от (двора некоего?) Воронца». Но строительство крупного каменного храма, второго после Троицкого собора, не могло завершиться в одночасье. Почти одновременно (с участием тех же строителей?) велось сооружение Никольского собора в Изборской крепости. Он упоминается впервые под 1341 г., а освящение его придела

Спаса-Преображения «на полатях» (в палатке на хорах) – под 1349 годом. Строительство этого храма, таким образом, растянулось на несколько лет. Уместно предположить, что и храм Михаила и Гавриила Архангелов строился не в один год. Если его освящение приурочить к 1342 г. (через 2 года после начала строительства, что по времени очень правдоподобно), то сооружение соборного храма совпадет с двумя важнейшими для Пскова событиями. Закладка – с кончиной в Орде князя Александра Михайловича Тверского и его сына Феодора, а освящение – с предполагаемой датой подписания Болотовского договора (А. В. Валеров и др.). В том, что освящение храма не отразилось в непсковских, на тот период, летописях и не вошло в псковский свод, есть причины. Это важнейшее для псковичей событие могло быть связано с именем князя Александра Тверского, противника Новгорода, заклятого врага великих московских князей, связанного, к тому же, с Литвой (впоследствии самым грозным врагом Москвы и всей Русской земли). Иначе трудно объяснить, почему имя героя и мученика, равнозначного для псковской истории имени Всеволода-Гавриила, или Довмонта, не попало в первый ряд имен пантеона псковских святых.

Таким образом, есть основания говорить о том, что символическое «зачало московского

княжения» было отмечено строительством Изборской каменной крепости. А подписание столь же символического Болотовского договора – строительством храма Михаила и Гавриила Архангелов в Городце. При этом Новгород признал договор и этот храм, потому что в 1352 г. в нем уже служил новгородский владыка Василий Калика, с которым раньше у Пскова были большие нелады. Можно даже предположить, что нормализация отношений была определена неким докончанием, по которому были разделены сферы влияния. Храм Михаила и Гавриила Архангелов стал одним из первых общинных и главных посадских псковских храмов. Этот факт красноречиво говорит о том, что процесс развития будущего столичного города Пскова развивается необратимо, и уже независимо от отдельных выдающихся личностей псковской и новгородской истории. Последнее событие стало завершающим актом прежней эпохи строительства городов-крепостей с храмами-защитниками. Вскоре храму Михаила и Гавриила Архангелов суждено было стать одним из кончанских храмов в новом ансамбле столичного города Пскова – храмом «Городецкого» конца, получившего название по своему расположению у стен Городца – быстро отслужившей своё крепости посадника Бориса.

Примечания

1. Определение Г. Я. Мокеева. См.: Мокеев Г. Я. Столичный центр вечаевого Пскова. – М., 1971; Он же. Столичный центр Пскова к. XV в. // АН, №24.- С.60-71.
2. *Тверской Л. М.* Русское градостроительство до XVII в. – М.-Л., 1953; *Шквариков В. А.* Очерк истории планировки и застройки русских городов.– М., 1954; Древнерусское градостроительство X-XV веков. Под. ред. Н. Ф. Гуляницкого. – М.:Стройиздат, 1993.
3. Там же. С.54.
4. *Плоткин К. М.* Начало Пскова.// Археологи рассказывают о Древнем Пскове. ПГОИАХМЗ. - Псков, 1992.
5. Последние находки в районе Подзноевых палат следов дорожного направления север-юг вдоль ул. Некрасова («мимо» города) позволяет предполагать, что южная дорога у бродов через Пскову встречалась с северной дорогой и была единым путем. От центра Пскова на юг и восток к ней вели местные дороги, вдоль которых и развивались пригородные поселения, которые превращались постепенно в посадские.
6. *Янин В. Л.* «Болотовский» договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII-XV вв.// Отечественная история- №6.-1992.
7. НПЛ, 1307. // Русские летописи, т.10.С.332-333.- Рязань, 2001. Последующие совместные действия псковичей и новгородцев не дают оснований, как это делает С.В. Белецкий, говорить об отделении Пскова уже в этом году.
8. *Янин В. Л.* Указ. соч.
9. ПЛП- М.-Л., АН СССР, 1941; ПЛП- М, АН СССР, 1955.
10. Н.-J. Grabmuller. Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.-15. Jahrhundert.-Wiesbaden, 1975.

11. Валеров В. А. Новгород и Псков. Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI-XIV вв.- СПб.: Алетейя. 2004. С.191.
12. Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV-XV вв.- М.: «Наука», 1985.
13. Спегальский Ю. П. Псков. Художественные памятники. - Л-М.: «Искусство», 1963.
14. Мокеев Г. Я. Указ. соч.
15. Белецкий В. Д. Довмонтов город. Архитектура и монументальная живопись XIV в.- Л.: «Искусство», 1986.
16. Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания, заключающее в себе многие достойные любопытства происходимости, составленное из многих древних летописцев, надписей, записок и Российской истории Николаем Ильинским .ч. 1-6.- Спб, 1790-1795; Евгений, митрополит киевский. История княжества Псковского с присовокуплением плана г. Пскова. Ч. I-IV -Киев, 1831.; Годовиков И. Ф. Краткое историческое обозрение города Пскова и его древностей. // ПГОИ-АХМЗ, Отдел рукописных и старопечатных фондов, рукоп. №507- (Псков), 1866; К. Г. Евлентьев. Указатель вещественным памятникам древности и старины города Пскова. - Псков, 1875; И. И. Василев. Историко-статистический очерк города Пскова.- Псков, 1875; Он же. Историко-статистический указатель г. Пскова. -Псков, 1889; Н. Ф. Окулич-Казарин. Спутник по древнему Пскову.- Псков, 1913 – неполный перечень дореволюционных изданий.
17. Янин В. Л. Там же.
18. Карамзин Н. М. История государства Российского.- М.: ЭКСМО, 2002. С.298.
19. Артемьев А. Р. Города Псковской земли в XIV- начале XVI вв. // АИИПИПЗ.- Псков, 1985. С.30.
20. Там же, с. 29.
21. Новгородские археологи обнаружили следы пребывания «представителей золотоордынской администрации» на Рюриковом городище, которые датируются II пол. XIII в. – Носов Е.Н, Горюнова В.М., Дорофеева Т. С., Михайлов К. А., Плохов А. В., Янсон И. Исследования Рюрикова городища в 1996 г. // НиНЗ.- Новгород, 1997. С.26-27. В Пскове такие свидетельства пока не известны.
22. НПЛ, 1315. -С.336-337.
23. НПЛ, 1322.-С.339.
24. ПЛШ, 1327. - С.91,.
25. ПЛЦ, 1328. -С.17.
26. НПЛ, 1331.- С.343.
27. Князя Довмонта в Литве до сих пор считают изменником и никак не своим князем.
28. НПЛ, 1331.- С.344.
29. Седов Вл. В. Псковская архитектура XIV-XV веков.- М.,1992.-С.42.
30. Белецкий В. Д. Археологические данные к датировке крепостных стен Довмонтова города в Пскове./ Археологический сборник. №12.- Л.: Аврора, 1970. С.68-80.
31. Белецкий В. Д. Довмонтов город.
32. Там же.
33. Белецкий С. В., Скрынникова Е .В. Псковский кремль – памятник истории и культуры русского средневековья и музей под открытым небом.// Культурное наследие Российского государства. – СПб: ИПК «Вести». 2000. С. 30.
34. НПЛ – С.335-336.
35. НПЛ – С. 331.
36. Понятия «Кром» и «Детинец» не равнозначны – см. Древнерусское градостроительство X-XV веков, 1993.
37. Упом. 1065 г., связанное с применением пороков – более позднего стенобитного оружия, – исследователями поставлено под сомнение, как позднейшая вставка.
38. ПЛШ - М.-Л.: «Наука». 1941. С.17; ПЛШ – М.: Изд. АН СССР. 1955. С.92.
39. Раппопорт П. А. Перси псковского Крома. // КСИИМК, №62. -1956. С.57; Алешковский М. Х. Начальные этапы каменного строительства псковского Крома. // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. – М.,1972. С. 336,337; Мокеев Г.Я. Что такое Перси Пскова? / / Архитектурное наследство, т.19. – М.,1972; Он же. Перси Пскова (по историческим данным и морфологическим признакам).// Архитектурное наследство, т.20.-М.,1972. С.26; Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV-XV вв. – М.: «Наука», 1985. С.48-51.
40. ПЛ I - С.23; ПЛ I - С. 105.
41. Лабутина И. К. Там же.
42. ПЛ I - С.14; ПЛ II - С. 88.
43. ПЛ II. С.92.
44. Лабутина И. К. Указ соч. С. 54.